

ерекшеліктер мәдени-тарихи үдерістің аймақтық сұлбаларының рәсімделуіне әкелді.

Кілттік сөздер: Солтүстік Қазақстан, қола дәуірі, зерттелу тарихы.

Annotation: The middle of the 20th century is a key stage in the development of historical science in Kazakhstan. At that time, the formation of the Kazakhstani archaeological school began. The Great Patriotic War naturally slowed down the development of historical and archaeological research, however, in the post-war years, the rapid development in all spheres of society dictated the need to create an accumulative scientific institution in Kazakhstan. Thus, the Academy of Sciences of the Kazakh SSR was organized on the basis of the Kazakh branch of the Academy of Sciences of the USSR in 1946. It became the driving force in the intensification of archaeological research on the territory of the republic. Large-scale excavations of numerous Bronze Age monuments made it possible to accumulate a significant database of sources and proceed to a detailed study of a various range of issues related to the formation of the Andronovo and post-Andronovo cultural complex, its periodization, life support system and ethnicity. The revealed features in the development of material culture led to the formation of regional schemes of the cultural-historical process.

Key words: Northern Kazakhstan, Bronze Age, history of study.

Кукушкин Игорь Алексеевич

Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетоваг.
Караганда, Казахстан; sai@ksu.kz

Основные характеристики алакульской культуры Центрального Казахстана (по данным погребальной обрядности)

Аннотация: В первой половине II тыс. до н.э. на территории Центрального Казахстана широкое распространение получили памятники алакульской культуры. Её разделяют на два этапа –

ранний и развитый, получившие соответствующие обозначения – петровский и, собственно, алакульский. Ранние комплексы характеризуются появлением крупных курганов с погребениями воинов-колесничих, которые сопровождалась захоронениями парных упряжных лошадей и сопутствующим инвентарем милитаристического содержания. В классический алакульский период ареал культуры расширяется. Военизированный контекст исчезает. Курганы повсеместно сменяются многочисленными оградками различной конфигурации. Общество в целом может быть охарактеризовано как эгалитарное, однако привилегированное положение, видимо, стали занимать представители культовой сферы и семьи зажиточных скотоводов, более востребованные социумом в мирное время.

Ключевые слова: алакульская культура, петровский этап, колесничная упряжка, курган, захоронения, погребальный инвентарь.

Памятники раннеалакульского или петровского типа занимают северные, западные и центральные регионы Казахстана. Впервые эти яркие комплексы были выделены в Северном Казахстане, который, видимо, и являлся районом их первоначального формирования. В дальнейшем они распространяются на сопредельные территории Западного и Центрального Казахстана, Южного Урала и частично Западной Сибири. Петровские памятники рассматриваются исследователями как наиболее ранний этап алакульской культуры или в качестве самостоятельного культурного образования, имеющего свои региональные особенности с близкими характеристиками.

Большинство исследователей, занимающихся проблемами формирования и развития колесничных культур, видит истоки происхождения петровских комплексов в древностях синташтинского круга, указывая на близкие черты сходства в обрядово-ритуальной практике и элементах материальной культуры. Однако, образование петровских комплексов, очевидно, произошло не на заключительной, а на сравнительно развитой стадии синташтинской культуры, чему не

противоречат и данные радиоуглеродных датировок [Чечушков, Епимахов, 2010, с. 212]. В дальнейшем обе культуры развиваются на сопредельных территориях, что подтверждается рядом памятников, сочетающих синташтинские и петровские культурно-определяющие признаки [Алаева, 2016, с. 82].

Памятники петровской культуры Центрального Казахстана занимают степную зону, охватывающую бассейны рек Нуры, Талды, Нура-Талды, Тундык и их притоки. Они территориально и хронологически наиболее близки памятникам петровской культуры Северного Казахстана. Однако, сравнительный анализ данных комплексов показывает не только сходство, но и некоторые различия, связанные с локальным своеобразием этих культурных образований, что отразилось в погребальной обрядности и элементах материальной культуры [Ткачев А., 1999, с. 27-29].

Петровские погребальные комплексы Центрального Казахстана в настоящее время представлены как отдельными курганами в составе алакульских некрополей, так и самостоятельными могильниками: Сатан, Нуртай, Бозенген, Ащису, Нура-Талды 1, Тундык, Танабай, Икпень I, Шет II, Талдинский I, Сенкибай II, Кызылтау и др. Петровские могильники относительно равномерно распространены по всей степной зоне Северной и Восточной Сарыарки.

Погребальный обряд довольно устойчив, хотя по отдельным могильникам может несколько варьировать. Наряду с курганами, как правило, имеющими земляную насыпь, в петровских могильниках распространены безнасыпные ограды из установленных вертикальном положении каменных плит. Отмечаются отдельные курганы, играющие в могильниках роль некрополеобразующих сооружений (Нуртай, Аяпберген, Танабай), а также элитарные курганные могильники с захоронением лиц высокого социального ранга (Сатан, Ащису). Диаметр курганов составляет от 8 до 26 м, при высоте 0,3-1,5 м. Вокруг насыпей фиксируется ров шириной до 3,5 м, глубиной до 0,85 м. По внутреннему краю рва отмечается кольцевая ограда из вкопанных на ребро небольших каменных плит [Евдокимов, Варфоломеев, 2002, с. 20]. Своеобразие погребальным комплексам придают ограды с пристройками,

обычно содержащими погребения детей, а также курганы с впускными детскими захоронениями, количество которых может достигать до 20-30 ящиков. Отмечаются также некрополи с обособленными участками детских могил. Господствует обряд трупоположения. Умершие, как правило, укладывались в скорченном положении на левый, реже – правый бок. Отмечены парные и тройные захоронения. Ориентировка обычно связана с западным горизонтом [Ткачев А., 2002б, с. 186], но нередко отмечается и восточная.

Высокостатусные захоронения совершались в крупных грунтовых камерах размерами 2,5-4,5х1,5х3,5м, расположенных в центральной части подкурганной площадки. Стенки могильных ям могли облицовываться камнем или небольшими плитами, образующими каменную гробницу. Позднее появляются каменные ящики, состыкованные из 4-х плит. В качестве перекрытия могил использовались каменные плиты или деревянные плахи. Крупные курганы с захоронениями родовой знати содержали остатки деревянных колесниц (Сатан) или их имитацию (Нуртай, Ащису, Танабай, Нура-Талды I, Аяпберген, Табылды, Кызылтау и др.).

В номенклатуру погребального обряда, особенно крупных захоронений, входили жертвоприношения животных, в том числе лошадей, символизировавших колесничную запряжку. Их размещали вдоль длинных сторон центральной погребальной камеры или в западной, реже восточной части подкурганной площадки. Парные лошади служили устойчивым маркером погребений родовой военной аристократии – воинов-колесничих. Причем содержание и значимость жертвенных комплексов были прямопропорциональны масштабы курганостроительных работ. В качестве жертвенных животных также отмечаются черепа и конечности МРС, КРС, лошади.

Особенно яркую категорию материальной культуры петровского населения составляют щитковые псалии, которые использовались для управления пароконной колесничной запряжкой. Они известны в памятниках всего обширного ареала урало-казахстанских степей от Центрального Казахстана до Южного Урала.

Псалии по форме щитка разделяются на три типа: прямоугольные, дисковидные, сегментовидные. Они изготовлялись из рога лося (оленя) или из расколотой вдоль трубчатой кости крупного животного. Подавляющее большинство изделий имеет шипы, вырезанные из одной заготовки вместе с планкой. Форма псалиев целиком зависела от материала, из которого изготавливался предмет. Эволюционное развитие упряжи привело к появлению экземпляров с уменьшенным количеством шипов на щитке и, в конечном счете, к их полному исчезновению [Зданович, 1988, с. 132-139].

Петровские изделия из металла достаточно многочисленны. Металлокомплекс представлен наконечниками копий и дротиков с цельнолитыми втулками, вислообушным топором, теслами, черешковыми и втульчатыми наконечниками стрел, ножами-кинжалами с неврюрой и намечающимся перекрестием. Интресна находка бронзового крюка с раскованной втулкой, ближайшие аналогии которому известны в материалах поселения Павловка [Зданович, 1988, табл. 10-15] и могильнике Бестамак [Логвин и др., 2007, с. 126] в Северном Казахстане. Считается, что такие крюки являются характерной особенностью синташтинского металлокомплекса [Виноградов, 2007, с. 24,28].

Тонкостенные изделия, такие как наконечники копий, дротиков, крупных наконечников стрел, отливались в двухсторонних формах с использованием каменного сердечника (вкладыша) для получения втулки. Применялись и односторонние формы с крышками. Для раннеалакульских памятников характерно сочетание литья бронзовых орудий, имеющих вторичную проковку лезвия и орудий из крупных бронзовых пластин с раскованными втулками для насада на рукоять, что сближает их с традициями синташтинской металлообработки.

Пожалуй, самыми впечатляющими изделиями, дающими наглядное представление о достигнутом технологическом уровне металлообработки у раннеалакульского населения, стали находки тонкостенных металлических остросереберных сосудов на кольцевом поддоне в могильниках Ащису и Нураталды I [Кукушкин и др., 2016, с. 87, 89; 2011, с.113].

Спектральный анализ металла показал, что сосуды изготовлены из чистой меди, содержание которой составляет 99.9% с незначительными естественными примесями. По мнению специалистов, сырьем для изготовления сосудов могла послужить самородная медь, характерная для Жезказганского куста рудопроявлений.

Очевидно, медные сосуды созданы казахстанскими мастерами, профессионально владеющими уникальными технологиями изготовления металлической посуды с использованием восковых моделей, что подтверждается отсутствием швов и заклепок, а также внешним обликом типичных остросереберных горшков и конструктивными особенностями изготовления [Дегтярева и др., 2020]. Высокое качество сосудов, отсутствие производственного брака, техническая проработанность деталей и законченность форм определенно указывают на то, что это были не экспериментальные образцы, а достаточно обычные, поставленные на поток серийные изделия.

В настоящее время уникальные медные сосуды, найденные на территории Центрального Казахстана дают реальное представление о высоком уровне металлургии и металлообработки, достигнутом носителями раннеалакульской культуры. Они стали первыми находками подобного рода, зафиксированными у скотоводческого населения степной полосы Евразии, заселенной в первых веках II тыс. до н.э. скотоводческими племенами срубно-андроновского мира, занимавшими территорию от степей Северного Причерноморья на западе до равнин Енисея на востоке.

В памятниках петровской культуры повсеместно встречаются каменные наконечники стрел треугольной формы с усеченным основанием или черешковые сейминского типа. Это единственные предметы из кремнистых пород, которые, появившись в эпоху неолита, «доживают» до бронзового века и получают широкое распространение в петровских комплексах. Однако, в раннеалакульских погребениях Центрального Казахстана почти повсеместно присутствуют наконечники стрел, изготовленные из кости и рога. Исключением являются могильники Сатан, Ащису, Талдинский I, где были

зафиксированы кремневые наконечники, видимо, указывающие на более раннюю хронологическую позицию этих памятников.

Отдельную категорию составляют единичные находки каменных и медных булав, имеющих сквозное отверстие. Как правило предметам придавалась изящная, тщательно залощенная шаровидная форма. Довольно компактные размеры, а также изготовление большей части экземпляров из мягкого и хрупкого материала предполагают их использование в качестве атрибутов социальной ранжированности – инсигний светской и духовной власти. Они отмечаются, как в петровских, так и позднее в алакульских комплексах. В погребальных памятниках Сарыарки навершия булав встречены в могильниках Нуртай, Нурмамбет, Сенкибай II, Талдинский I, Тундык, Майтан. Ближайшие аналогии отмечаются в близкородственном культурном окружении. Так, на территории Северного Казахстана булавы обнаружены в могильниках Кенес, Бестамак, Баганаты III, Перелески, Джангельды, в Западном Казахстане каменные булавы отмечены в могильниках Танаберген II и Жаман-Каргала I. В Южном Зауралье находки булав, как правило, связаны с памятниками синташтинской культуры, но известные и в алакульских погребениях (Алакуль).

Довольно представлены гарнитур женских украшений, куда входят гривны, подвески в полтора оборота, выпукло-вогнутые браслеты с округлыми и закручивающимися в низко коническую спираль окончаниями, «солярные» бляшки, очковидные и крестовидные подвески, бусы, а также женские наконечники, входящие в конструкцию головного убора.

Петровский тип керамики отличается единообразием на всей огромной территории степной и лесостепной полосы Урало-Казахстанского междуречья и характеризуется близостью форм и технологией изготовления сосудов, техники нанесения рисунка и набора орнаментальных композиций [Зданович, 1988, с. 101, 109]. Культуропределяющей группой посуды является острорезная керамика при наличии значительного количества в коллекциях банок. Присутствуют небольшие группы переходных форм: с едва намечающимся уступчиком, уступребром или плавной профилировкой. На ряде сосудов отмечается подрезка верхней части венчика под внутренний

скос, более характерная для гончарной традиции синташтинской культуры.

Орнамент выполнен гладким штампом и резной техникой, реже гребенчатым штампом. Оригинальность комплексам придают сосуды, имеющие на месте перегиба шейки рельефные валики, треугольные или овальные в сечении. Орнамент наносился по шейке, тулову и у дна, формируя зональное расположение рисунка. Нередко узор наносился и на днища сосудов. В орнаментике широко распространены зигзаги, различные треугольники, цепочки ромбов, пирамидки [Ткачев А., 2002б, с. 147].

Специфика и унифицированность характерной формы петровских сосудов обусловлена их производством на твердой основе, в качестве которой использовались горшки и банки, обернутые влажной тканью, которые служили своеобразным шаблоном для изготовления новых горшков. Об этом могут свидетельствовать отпечатки ткани, зафиксированные на внутренней поверхности некоторых сосудов [Евдокимов, Варфоломеев, 2002, с. 23].

Таким образом, «героическая эпоха» на территории Центрального Казахстана, ознаменовалась появлением крупных петровских/раннеалакульских курганов с необычайно «пышным» обрядово-ритуальным комплексом. Погребальный инвентарь с ярко выраженными «милитаристическими» чертами, жертвоприношением упряжных лошадей, колесничной символикой, может свидетельствовать о появлении в обществе этого периода особой социальной прослойки – воинов-колесничих. Распространение боевых колесниц стало своего рода маркером родовой военной аристократии, ставшей господствующей силой на просторах Степной Евразии в первых веках II тыс. до н.э.

Алакульская культура является закономерным продолжением петровского или раннеалакульского этапа. Она взаимодействует и развивается параллельно с носителями федоровских культурных традиций. По современным радиоуглеродным датировкам время ее существования охватывает вторую четверть – середину II тыс. до н.э. [Чечушков, Епимахов, 2010, с. 212, рис. 7]. Основной ареал

распространения алакульских памятников связан с территорией Казахстана, за исключением восточных регионов, а также прилегающих районов Южного Урала и частично Западной Сибири. Наиболее известными алакульскими тафокомплексами в Центральном Казахстане являются такие некрополи как Ак-Мустафа, Былкылдак, Жаман-Узен II, Майтан, Нуркен, Копа, Ташик, Кызылколь, Сенкибай II, Талдинский I и др.

В алакульских могильниках Центрального Казахстана обряд подкуранных захоронений сохраняется, но в значительно меньших масштабах. Исследованные курганы представляют собой невысокие земляные насыпи с концентрическими оградами из плит, установленных на ребро. Грунт для сооружения насыпи извлекался из кольцевого рва, окружающего курган за пределами ограждения из плит.

Центральную часть, обычно, занимают одно-два высокостатусных погребения, как правило, совершенных в каменных ящиках из плит, заглубленных в материк. Зафиксированы также сооружения с хаотично расположенными погребениями, совершенными без явно выраженного курганообразующего захоронения, где умершие, видимо, имели относительно равнозначный статус. Известны детские захоронения, которые устраивались в небольших каменных ящиках, впущенных в насыпь уже сооруженного кургана. Большое распространение получают ограды округлой, овальной или четырехугольной конфигурации, сооруженные из вертикально установленных плит. Значительная часть оград имеет от одной до девяти пристроек. Наблюдаются случаи объединения отдельных семейных погребальных объектов в единый комплекс посредством сооружения соединительных пристроек.

Отличительной особенностью погребальных комплексов является наличие многочисленных жертвенников, в виде костей крупного и мелкого рогатого скота, компактно расположенных на подкурганной площадке. Жертвенные инсталляции содержат головы, части задних и передних конечностей животных, отчлененные по коленным или скакательным суставам [Косинцев, 1998]. Они нередко сопровождаются керамическими сосудами, в том числе установленными вверх дном.

Основная масса погребений совершалась в каменных ящиках, реже – в грунтовых ямах, причем их распределение по отдельным районам может варьировать. Преобладание на конкретном памятнике определенного типа могил зависело от его природно-ландшафтного расположения. Как правило в местах богатых выходами слоющихся пород наблюдается увеличение каменных ящиков, как основного типа погребальных конструкций. На равнинной местности, где слоющийся плитняк отсутствует, преобладают грунтовые ямы.

Погребальные камеры крупных размеров длиной 2,5-1,5 м, шириной 0,7-1,1 м маркировали одиночные или парные захоронения взрослых. Каменные ящики меньших параметров длиной от 0,3 до 1,3 м и шириной от 0,4 до 1 м, содержали одиночные, реже парные захоронения детей и подростков. Известны парные захоронения подростков разного пола в относительно крупных могильных конструкциях, которые в силу определенных причин мировоззренческого характера, вероятно, могли относиться к взрослой возрастной категории, что отразилось в повышении их социального статуса, опредмеченного с помощью расширенного набора погребального инвентаря.

Ограбление большинства изученных памятников затрудняет воссоздание многих деталей алакульской погребальной обрядности, однако, судя по останкам костяков, основная часть захоронений совершалась по обряду ингумации. Чаще встречаются одиночные костяки, реже парные (дети, женщины с детьми, мужчины и женщины), единичны тройные погребения (дети, взрослые с детьми). Умершие всех возрастных групп помещались в погребальные камеры в скорченном положении, в основном на левом боку, реже – на правом. Последний способ захоронения характерен, в основном, для женщин. В парных погребениях мужчина, как правило, лежит на левом, а женщина – на правом боку, лицом к мужчине. Иногда оба укладывались на левом боку, причем мужчина располагался за спиной женщины. В изголовье устанавливали от 1 до 5 сосудов, в зависимости от половозрастных характеристик и количества погребенных. В экстраординарных ситуациях количество посуды могло значительно увеличиваться.

В ориентировке костяков центральных регионов преобладает западное направление (41,9%), меньше захоронений с отклонениями на юго-запад (34,2%) и северо-запад (14,3%). Значительно реже отмечается меридиональное направление, головой на север или юг [Ткачев А., 2014, с. 656-657]. В западных и отчасти северных районах, наряду с западной ориентировкой умерших, широко распространены погребения головой на восток и северо-восток, что вероятно, связано с влиянием срубной культуры [Ткачев В., 2009, с. 54].

Иногда в алакульских могильниках отмечаются кенотафы или пустые могилы, где при наличии погребального инвентаря, отсутствуют костяки. Предполагается, что их сооружали сородичам, умершим вдалеке от родного поселения, при отсутствии реальной возможности их погребения на родовом кладбище. В этом случае проводили обряд символического захоронения, возможно, с использованием органических материалов, символизирующих самого умершего, которого снабжали типичным погребальным инвентарем.

В отличие от памятников колесничного хронологического горизонта, где парные погребения лошадей встречаются довольно часто, в алакульское время, в связи со стабилизацией межплеменных отношений, парные захоронения лошадей в Урало-Казахстанских степях почти исчезают.

В этой связи большой интерес представляют захоронения коней в могильнике Майтан, где в трех оградах зафиксированы парные захоронения животных, которые совершены не в основных сооружениях, а во второстепенных оградах, пристроенных друг к другу [Ткачев А., 2019, с. 36, 132, 135]. Это позволяет сделать вывод о том, что становление алакульских комплексов происходит в постпетровское время, когда в связи со стабилизацией общественно-политической обстановки в степи, родовая военно-аристократическая прослойка уже не занимает лидирующих позиций в социальной структуре общества. Единичные проявления отмирающего обряда колесничных погребений могут быть расценены, как локальные пережитки предшествующих традиций, сохранившихся в алакульской среде.

Оружие и орудия труда в погребениях встречаются нечасто и, за редким исключением, связаны с мужскими захоронениями. В качестве погребального инвентаря их могли сопровождать бронзовые обоюдоострые ножи-кинжалы, так называемого срубно-андроновского типа, втульчатые наконечники стрел, отлитые из бронзы, пластинчатые ножи-копья, черешковые наконечники стрел, изготовленные из кости и рога.

Женщины, как правило, погребались в «праздничном» наряде: с браслетами на руках, низками бронзовых бус на обуви, височными кольцами и подвесками в полтора оборота, плакированными золотой фольгой, украшениями, составленными из округлых бляшек, бронзовыми бусами и пастовым бисером. Изредка встречаются гривны и роскошные головные уборы, включающие накосники, бляхи, обоймы, пронизки, раковины и просверленные клыки хищников.

Как в повседневной жизни, так и в погребальном обряде украшения играли весьма существенную роль. Помимо эстетической, они несли охранно-магическую, знаковую, этнокультурную функции. Наиболее информативными являлись так называемые «соларные» бляшки, на которых чеканкой или штампом рельефно изображались многолучевые звезды, концентрические окружности, различного рода кресты, свастика, валютообразные фигуры. Они могли нашиваться на одежду или соединяться в, так называемую, челюстно-лицевую подвеску с нечетным количеством бляшек, крепившуюся краями к головному убору. Рисунок на бляшках и их определенное сочетание, бесспорно, несли глубинную семантическую нагрузку.

Височные трубчатые кольца-подвески покрытые золотой фольгой могли крепиться к шапочке или продеваться в мочки ушей, несмотря на довольно крупные размеры. Это подтверждают их находки в районе изголовья, по обеим сторонам от черепа. К головным украшениям относятся также позолоченные желобчатые подвески в полтора оборота. В неграбленных погребениях их обычно отмечается четное количество от 4 до 10 экземпляров, разделенных на две равные части, концентрирующиеся у височных костей умерших.

Высоко значимой частью женского алакульского головного убора являлись накосники. Они разделяются на два типа: 1-й тип – простой, состоящий из двух-четырех низок бусин или обойм, которые, обычно, оканчиваются двумя-четырьмя листовидными подвесками; 2-й тип – сложносоставной, представляющий собой конструкцию из бляшек, пронизей, листовидных или ромбовидных подвесок, чередующихся с низками бусин. Накосное украшение крепилось к затылочной части шапочки при помощи обойм. Основой для головного убора и накосника служила шерстяная ткань или кожа [Усманова, Логвин, 1998, с. 29].

Предполагается, что простые накосники первого типа могли принадлежать девушкам-невестам, прошедшим инициацию и достигшим брачного возраста. Второй, сложносоставной тип накосников, скорее всего, составлял часть костюма замужних женщин, возможно, уже рожавших, что подтверждается наличием подобных накосников в парных разнополых захоронениях у взрослых женщин. Они могли иметь повышенный статус как полноценные члены социума, подтвердившие свои репродуктивные функции, крайне важные для успешной жизнедеятельности древнего коллектива [Усманова, 2010, с. 77-78].

Наиболее массовым археологическим материалом алакульских памятников является керамика, которая имеет характерные общепризнанные и четко фиксируемые признаки. Горшки алакульского типа имеют стройные пропорции, уступчик при переходе шейки в тулово. Характерно двух-трехзональное расположение рисунка, который наносился по шейке, верхней части тулова и придонной зоне сосуда.

Отличительной чертой является ярко выраженный геометризм алакульского орнамента. Шейка украшалась рядами прямоугольных или равнобедренных треугольников вершинами вверх или направленных к основанию друг друга, цепочками ромбов, многорядным горизонтальным зигзагом. По тулову наносились многоступенчатые пирамидки, меандровые вариации, многорядный зигзаг, треугольники вершинами вниз. Придонная часть орнаментировалась равнобедренными треугольниками. Иногда орнамент в виде крестообразной

фигуры или «паркетного» узора отмечается и на самом днище. В орнаментике большую роль играли негатив-позитивные преобразования, где позитивные изображения на одном сосуде, могли выступать как негативные, на другом [Рудковский, 2013, с. 70]. Рисунок наносился техникой прочерчивания, гладким или, реже, гребенчатым штампом, различной формы вдавлениями. Наряду с нарядно орнаментированными горшками широко распространена баночная посуда упрощенных форм. В погребальном обряде крупные фрагменты банок нередко играли роль крышек на посуде, установленной с умершими.

Нельзя обойти вниманием и так называемые «синкретические» комплексы, представленные многочисленными андроновскими памятниками со смешанным алакульско-федоровским типом керамики. В Южном Казахстане к ним относятся таутаринские и семиреченские. В Центральном Казахстане – ряд близких им комплексов типа могильников Айшрак и Балыкты, в Северном Казахстане – амангельдинские, в Западном Казахстане и на Южном Урале – кожумбердинские. Данное явление отражает процесс интеграции и интенсивного взаимовлияния культур друг на друга, вероятно, с доминантой федоровской линии развития, что позднее приводит к постепенному поглощению и ассимиляции алакульцев.

По сравнению с напряженным предшествующим периодом, общественно-политическая обстановка в степи постепенно стабилизируется, «милитаристический» контекст погребального обряда существенно снижается. Хотя определенные межплеменные конфликты, видимо, имели место, на что указывают единичные захоронения с застрявшими в крупных тазовых костях бронзовыми наконечниками стрел, ставшими причиной смерти [Маргулан, 1979, с. 54; Грушин и др., 2006, с.7]. Об этом также могут свидетельствовать отдельные алакульские поселения, расположенные на сопредельных территориях, которые были уничтожены в результате военных набегов, видимо, родственными группами. На месте поселков фиксируются следы пожаров и останки людей, погибших насильственной смертью, что доказывается различного рода тяжелыми прижизненными травмами не совместимыми с жизнью [Чемякин, 2015, с. 172].

В целом, общество этого периода в большей степени можно охарактеризовать как эгалитарное. Прослойка воинов-колесничих, занимавшая ранее привилегированное положение, практически исчезает и, за редким исключением, никак не проявляется в погребальном обряде. Акценты родоплеменного управления с военизированной части социума видимо переносятся на представителей духовной сферы и прослойку зажиточных скотоводов, наиболее востребованных обществом в мирное время.

Таким образом, исчезновение погребений с парными костяками лошадей и остатками колес, единичность находок щитковых псалиев и оружия свидетельствует о закате эпохи «боевых колесниц» и установлению в степи долговременных мирных отношений. Вероятно, на поздней фазе развития алакульской культуры воин-колесничий окончательно утратил свое значение и уступил место всаднику-пастуху с особой спецификой уздечного набора [Зданович, 1985, с. 118]. Переход к использованию лошади под верховую езду, видимо, подтверждается находками уже не парных, а одиночных костяков лошадей или их черепов и конечностей, символизирующих целое животное, которые эпизодически отмечаются в погребальных комплексах.

ЛИТЕРАТУРА

Алаева И.П. Раннеалакульские памятники Урало-Казахстанского региона // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 3 (34). С. 78-85.

Виноградов Н.Б. Культурно-исторические процессы в степях Южного Урала и Казахстана в начале II тыс. до н. э. (памятники синташтинского и петровского типов): автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2001. 47 с.

Грушин С.П., Мерц В.К., Папин Д.В., Пересветов Г.Ю. Материалы эпохи бронзы из Павлодарского Прииртышья// Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Сб-к научн. трудов. Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 4-17.

Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В., Ломан В.Г., Кукушкин И.А., Кукушкин А.И., Дмитриев Е.А. Цветной металл раннеалакульской (петровской) культуры эпохи бронзы

Центрального Казахстана // Поволжская археология. – 2020. – № 1 (31). – С. 98-116.

Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 2002. – 138 с.

Зданович Г. Б. Щитковые псалии Среднего Приишимья // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1985. С. 110-119.

Зданович Г. Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск: Урал. ун-т, 1988. 184 с.

Косинцев П.А. Костные остатки животных из Чистолесбязьего и Хрипуновского могильников // Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск: Наука, 1998. С. 405-411.

Кукушкин И.А. Металлические изделия раннеандроновского могильника Ащису (Центральный Казахстан) // РА. 2011. № 2 (53). С. 103-105.

Кукушкин И.А., Ломан В.Г., Кукушкин А.И., Дмитриев Е.А. Погребение с металлическим сосудом в могильнике Нураталды I (эпоха бронзы) // Уральский исторический вестник. 2016. № 4 (53). С. 85-92.

Логвин А.В., Шевнина И.В., Колбина А.В., Нетета А.Ю. Исследования могильника Бестатак в 2006 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» в 2006 году. Алматы, 2007. С. 123-127.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1979. 360 с.

Рудковский И. В. Андроновская орнаментика в контексте системообразующих инвариантов. Алматы, 2013. 192 с.

Ткачев А.А. Особенности нуртайских комплексов Центрального Казахстана // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1999. Вып. 2. С. 22-29.

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень: ТюмГНГУ, 2002. Ч. 2. 243 с.

Ткачев А. А. К вопросу о формировании и развитии погребальной обрядности атасуской культуры // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Астана: Сарыарка, 2014. С. 653-664.

Ткачев А.А. Могильник эпохи бронзы Майтан // Новосибирск: СОРАН; Изд-во СОРАН, 2019. 529 с.

Ткачев В.В. Западная периферия алакульской культуры // Этнические взаимодействия на Южном Урале: сборник научных трудов. Челябинск, 2009. С. 53-59.

Усманова Э. Р., Логвин В. Н. Женские наконечники украшений Казахстана. Эпоха бронзы. Лисаковск, 1998. 64 с.

Усманова Э.Р. Костюм женщины эпохи бронзы Казахстана. Опыт реконструкции. Караганда: ТАИС, 2010. 176 с.

Чемякин Ю.П. Следы военных конфликтов на алакульских поселениях // Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы VI Всерос. науч. конф. Челябинск, 2015. С.169-176.

Чечушков И.В., Епимахов А.В. Колесничный комплекс Урало-Казахстанских степей // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. Екатеринбург; Самара; Донецк; Челябинск: Рифей, 2010. С. 182–229.

Аннотация: Б.д.д II мыңжылдықтың бірінші жартысында Орталық Қазақстан аумағында Алакөл мәдениетінің ескерткіштері кеңінен таралды. Ол екі кезеңге бөлінеді – ерте және дамыған, тиісті белгілерді алған – Петров және нақты Алакөл. Ерте кешендер күймесінің жауынгерлердің жерленген жерлері бар ірі қорғандардың пайда болуымен сипатталады, олар жұптасқан жылқылардың жерленуімен және милитаристік ұстаудың ілесіп құралдарымен бірге жүрді. Классикалық Алакөл кезеңінде мәдениеттің ауқымы кеңейеді. Әскерлендірілген контекст жоғалады. Қорғандар барлық жерде әртүрлі конфигурациядағы көптеген қоршаулармен ауыстырылады. Жалпы қоғамды тең құқылы деп сипаттауға болады, бірақ бейбіт уақытта қоғамда сұранысқа ие болған табынушылық саланың өкілдері мен аумақты малшылар отбасы артықшылықты жағдайға ие бола бастады.

Кілт сөздер: Алакөл мәдениеті, Петров кезеңі, арба әбзелдері, қорған, жерлеулері, жерлеу құралдары.

Annotation: In the first half of the II millennium BC on the territory of Central Kazakhstan, the Alakul culture sites were widely spread. It is divided into two stages - early and developed, which received the

appropriate designations - Petrovsky and Alakul itself. The early complexes are characterized by the appearance of large barrows with burials of chariot warriors, which were accompanied by burials of paired horses and related militaristic inventory. In the classical Alakul period, the cultural area expanded. The militarized context disappears. Barrows everywhere are replaced by numerous enclosures of various configurations. Society as a whole can be characterized as egalitarian, however, representatives of the cult sphere and families of prosperous pastoralists, who are more in demand in society in peacetime, apparently began to occupy a privileged position.

Key words: Alakul culture, Petrovsky stage, wheeled team, barrow, burials, grave goods.

Қыздарбеков Бірлік

Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті

Энеолит тайпаларының этникалық тарихы

Аннотация: Мақалада андронов мәдениетін таратушы–арий, тур, хьон, сайрим, даха(даи) тайпаларының қандай этникалық топқа жататынын анықтау болып табылады. Сонымен қатар жергілікті энеолит (мыс-тас) тайпаларының әлемде алғаш болып, жергілікті мол мөлшерде кездесетін рудалардың- мыс пен қалайының негізінде, қоланы жасап шығарған тайпалардың түркі тілде сөйлегенін ғылыми оралымға енгізу туралы айтылады.

Кілт сөздер: андронов мәдениеті, қола дәуірі, энеолит, Арқайым

Андронов қорығындағы ең бір күрделі және үнемі дау-дамай тудыратын мәселе, ол андронов мәдениетін таратушы–арий, тур, хьон, сайрим, даха(даи) тайпаларының қандай этникалық топқа жататынын анықтау болып табылады.

Кенес тарихнамасында, Ұлы Далада европеоидтық бет-пішіні бар үндіевропалықтар ғана тұрды деген пікір